

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

«Эгоизм не профессионален»

До премьеры спектакля «На дне» — три недели. Декорация уже на сцене, идут монтировочные репетиции. А в макетной мастерской Большого драматического театра — она же кабинет главного художника заслуженного деятеля искусства РСФСР, лауреата Государственных премий Э. С. Кочергина — та же декорация замерла, уместившись на небольшом макете. Сегодня у Эдуарда Степановича юбилей, но он, похоже, совершенно не озабочен круглой датой. Весь в работе.

— Этот год был тяжелым. Работы было невпроворот. Вместе с Г. А. Товстоноговым ездил в США, оформлял «Дядю Ваню», с Л. А. Додиним — в Хельсинки, где он ставил «Свои люди — сочтемся». Летом в Малом драматическом театре вышел с моими декорациями спектакль «В сторону солнца», сейчас там же работаем над трифоновским «Стариком». Для новой сцены МХАТа делаю новые варианты трех старых спектаклей: «Кроткая», «Господа Головлевы» и «Варяги». Для Театра имени В. Ф. Комиссаржевской готовлю декорации к пьесе замечательного писателя Иона Друце «Рыжая кобыла с колокольчиком».

Много сил и времени берет участие в выставках. Летом был на сценографической «Квадриеннале» в Праге, где советская чеховская экспозиция получила золотую медаль. Участвую во Всесоюзной выставке театрально-декорационного искусства, которая откроется в Москве 15 октября. А зимой моя персональная выставка поедет в Гаар — город-побратим Ленинграда.

— С чего же начиналась ваша работа театрального художника?

— Первые декорации я сделал в 1959 году для спектакля «Сирано де Бержерак», который молодой Игорь Горбачев играл в Ленконцерте.

А в 1962 году я стал главным художником Театра драмы и комедии на Литейном.

— Значит, вы почти тридцать лет в театре... Зрелыми сценографами стали ваши первые ученики. Набирают мастерство и нынешние — выпускники мастерской в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Что же отличает профессию театрального художника?

— Отсутствие эгоизма. Англичане придумали гениальную премию для кинохудожника — «самому незаметному». Вот и я радуюсь, если в рецензии на спектакль ничего нет о декорациях — значит, удались. Зрителю ведь неважно, кто придумал ту или иную мизансцену, поворот круга или фасон платья. Важен результат. Театральная мельница перемалывает все, что в нее кидают: пьесу, замысел художника, режиссера, актерские находки... Все сливается, как, например, в «Братьях и сестрах», — никто не может сказать, что первенствует, — все поглощается целостностью спектакля. В каждом виде искусства свои категории. Категории нашего изобразительного искусства: цвет, пространство, ритм, компоновку, сомасштабность с человеком — я дарю режиссеру. И так каждый. Все работают на круг. И он «крутится», если из него ничего не торчит...

Добавим, когда над спектаклем работают Кочергин и

его главные соавторы — Товстоногов, Додин, Гинкас, Яновская — уровень ремесла таков, что при всем стремлении к тому, чтобы раствориться, «умереть» (по Станиславскому) друг в друге, мы все равно узнаем почерк художника. Ни с чем не спутаем бревенчатую стену из «Братьев и сестер», кровотокающую шкуру Холстомера из «Истории лошади», похожее на дырявую корзину пространство датского королевства из «Гамлета», почерневшие деревья усадьбы Войницких из «Дяди Вани»... И сволнением будем ждать новых работ — близкой встречи с героями «На дне» и неблизкой — с додинскими «Тремя сестрами»...

Е. АЛЕКСЕЕВА

□

На снимке: Эдуард Кочергин.

Фото Р. ГАЙДУКОВА